

27.02.05.

148

Десятого февраля исполнилось 115 лет Борису Пастернаку. С десяти утра во дворе переделкинского Дома-музея резвились и читали стихи (!) школьники. В это же время литературная Москва прощалась с Татьяной Бек, постоянным членом жюри премии Пастернака...

Весь день в Дом-музей непрерывным потоком шли люди. Экскурсии планировалось закончить пораньше — родные поэта позвали близких Дому людей на скромное чаепитие. Но экскурсия затянулась. Пожилой господин с женой и двумя взрослыми сыновьями все никак не уходил. Он уже несколько лет собирался навестить, наконец, дом любимого поэта, да все никак. И подумал, что откладывать больше нельзя, хотя бы ради сыновей, и поехал. А пос-

ле экскурсии спустился с лестницы второго этажа — и умер. Прямо в доме любимого поэта. В день его 115-летия.

А двадцатого февраля в Доме ученых Андрей Вознесенский объявил новых лауреатов ежегодной премии Пастернака: Олега Чухонцева, Юрия Арабова и младшего Фельтринелли, написавшего книгу о своем отце (первом публикаторе романа «Доктор Живаго»).

Чухонцев на вручении красивого памятного знака красиво спародировал Вознесенского, а Арабов сказал, что его поколение — «подпятидесятилетних» — предпочло слыть не поэтами, а нормальными людьми.

Захотелось задать Андрею Вознесенскому, организатору и вдохновителю премии Пастернака, несколько вопросов.

— Андрей Андреевич, многие премии в этом году прекратили свое существование. Даже такие, как Пушкинская и Аполлона Григорьева (в смысле денежного эквивалента). Вроде бы Росбанк, финансировавший премию Аполлона Григорьева, посчитал, что вокруг крупных премий создается мелкий нездоровый ажиотаж, а сами премии никак не влияют на литературный процесс. Что зачастую премия выполняет функцию резинки для поддержания штанов того или иного довольно посредственного литератора. И это не по гамбургскому, а всего лишь по росбанковскому счету.

Андрей Андреевич, вы имете непосредственное отношение к двум замечательным премиям — к богатому «Триумфу» и скромной премии Бориса Пастернака. На ваш взгляд, стоит ли сегодня, когда интерес к литературе невысок, искать получателей литературных премий?

— Я знаю, что в ящике письменного стола Пастернака лежала папочка с надписью: «Андрюшины стихи».

— Да, Наталья Анисимовна Пастернак нашла. Поэтому во время разгрома дома папка не пропала. Борис Леонидович имел привычку, читая и Пушкина, и Толстого, и современную литературу, ставить карандашом на полях, напротив понравившихся абзацев строчек или стихов, не галочки, а длинные палочки.

— Вы помните ваши палочки?

— Еще бы! Он был гений, а я — пацан. Я скоро эти стихи опубликую.

— Как все-таки удалось открыть Дом-музей опального поэта после варварского разгрома?

— К власти пришел Михаил Горбачев — как оказалось, человек образованный и просвещенный. Я написал ему довольно сдержанное, сухое письмо, напомнив, что скоро сто лет великому поэту, что пора восстановить справедливость и прекратить безобразие. И что просто необходимо отметить столетие поэта открытием Дома-музея в Переделкине.

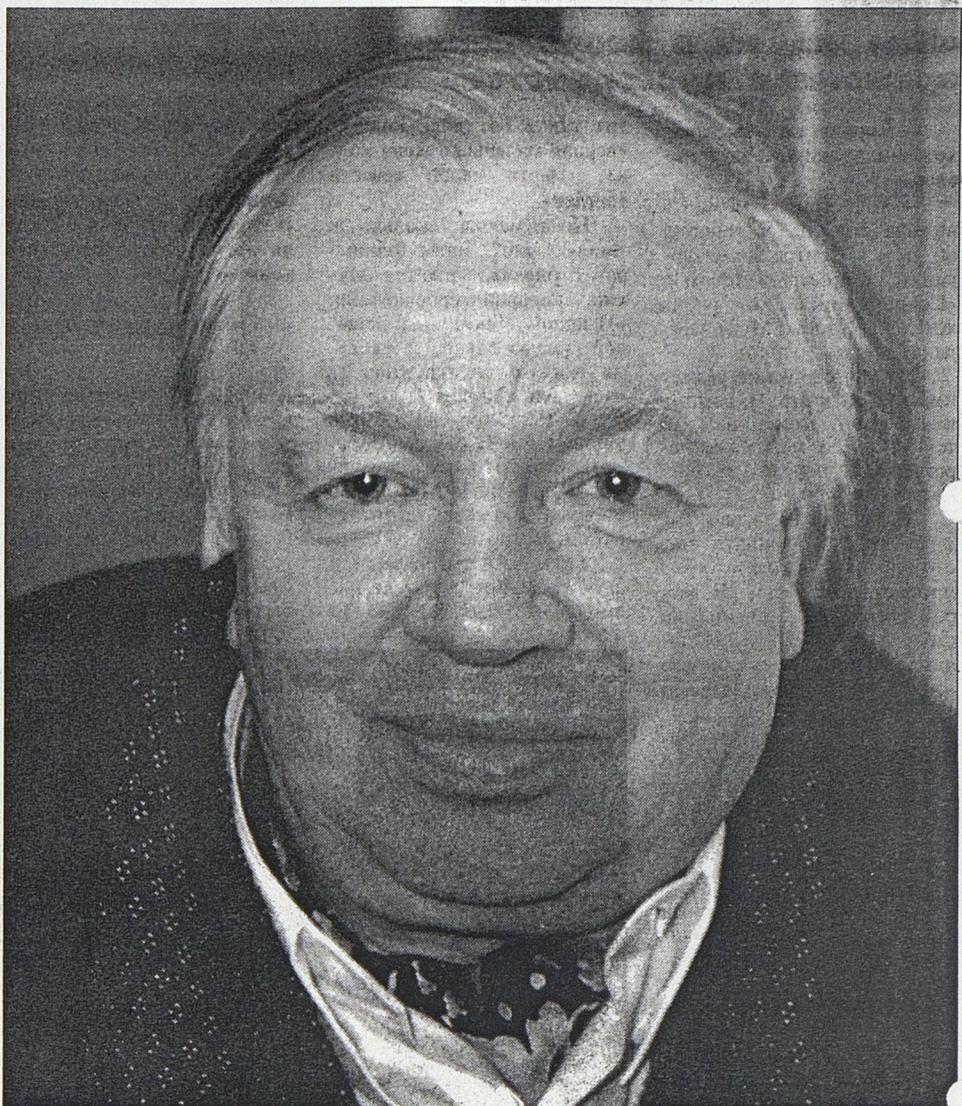
Горбачев даже оплатил все расходы по открытию музея.

Приехал Артур Миллер, ушедший от нас в эти дни. Он тогда сказал, что если бы во время войны Гитлер поймал Пастернака, то расстрелял бы его дважды: сначала — как еврея, а потом — как русского интеллигента.

— А помните, какой небывалый интерес поднялся во всем мире к русской поэзии в годы горбачевских надежд? Почти как при Хрущеве. Но сейчас в России интерес к поэзии упал, тиражи мизерные. Вот вы много ездите по миру. Там тоже перестали интересоваться нашей поэзией?

— Интерес остался ко всей русской культуре в целом. Просто во время перестройки интересен был весь хлынувший из России поток. Теперь выбирают. Но не было случая, чтобы меня не спросили, что нового на поэтической ниве. В

Борис СЫСОВЕВ

199

— Конечно, стоит. Хотя премии всегда лучше давать, чем получать. По-моему, банки не правы. Вопрос в принципе ставится неверно. Ну как может премия влиять на литературу? Если вы видели небольшой лазерный фильм, который мы показали перед вручением премии Пастернака, то должны были заметить, что в самих буквах имени — ПАСТЕРНАК — уже все заложено: ТЕРН ПЕРА... НЕТ КПСС... СЕСТРА... Все, что надо для поэта, есть в его имени. А если сегодняшнюю дату «115» написать по латыни — CXV, то получится СЕРП, КРЕСТ и ПЕРСТ. Вот что влияет на литературу.

мо, напомнив, что скоро сто лет великому поэту, что пора восстановить справедливость и прекратить безобразие. И что просто необходимо отметить столетие поэта открываем Дома-музея в Перedelкине.

Горбачев даже оплатил все расходы по открытию музея.

Пастернак — травка русской поэзии

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Прощание с книгой

I
Пронеслась Россия с гулом.
Как в туннель, народ мелькнул.
Русская литература
называют этот гул.

Кто вливает виски в шюрю,
кто бежит к зарубежу.
В русскую литературу,
как в тревогу, ухожу.

Я отвечу на «ату его!»,
но не вам, тов. господа.
Русская литература,
ты — прегдверье Господа.

Ты, в которой вместо текста
черно-белый шрифт берез,
ты, которая естественно
совесть повестью зовешь...

Ежели свобода-гура
в нас осуществит сполна
геноцид литературы —
то свобода ли она?

II
Что такое книга? Трудно
вам вообразить уже.
Телик с титрами? Но трубка
подключается к душе?

Что такое книга? Или
отработанный прием?

или генофонд России,
притворившийся шрифтом?

По тебе гадаю, книга,
ты грожишь в моих руках —
безголовая, как Ника
о двух крохотных крылах.

А какая тайна чтенья,
вдвоем, в сквере где-нибудь!
От плеча идет волнение:
«Можно ли перевернуть?».

Так тысячелетье глится
наше чтение сообща.
Превращаются в страницы
два прижатые плеча.

III
Ты не только слезы Лизы
среди кризиса бумаг,
ты — ломоть идеализма,
территория в умах.

И какую форму примут
без тебя наши думы
и беременный периметр
Вишлеевовой горы?

«Что такое Дух?» — расстройся,
врубил гуд по телешуру.
— А куда мы сдали совесть?
— В русскую литературу.

Америке поэзию выгеснил рэп. Рэперы собирают аншлаги в поэтических кафе, как когда-то мы с Евтушенко и Ахмадулиной — на стадионах. А так как мы шаг за шагом идем за Америкой, у нас тоже так будет. Рэп уже есть. И он наступает на пятки поэзии.

— Ага, а литературу заменят сериалы. После показа «Идиота» издательство «Вагриус» отметило, что с полок книжных магазинов смели все книги Достоевского с идентичным названием. А «Братья Карамазовы» стоят. Сейчас снимается сериал «Доктор Живаго» по сценарию, кстати сказать, сегодняшнего лауреата Юрия Арабова. Человек он безусловно очень талантливым, но ведь постмодернист. Основа постмодернизма — антицитата, и я слышала, что в сценарии огромное количество вольностей и выдумок, противоречащих если не замыслу, то сюжету романа и характеру отношений между его героями. Допустимо ли, на ваш взгляд, скармливать подрастающему поколению «Доктора Живаго» в постмодернистском соусе, при этом сохранив название оригинала? Особенно если помнить, что именно за этот роман и пострадал Пастернак.

— В любом переводе должно быть много вольностей. Особенно в переводе на язык кино. Оставляя смысл, можно

115-летие поэта отметили вручением премии его имени достойным лауреатам

менять ритм и слова. Но я не читал сценарий.

— Что касается киноязыка, то любой сериал — это еще не кино. Американский «Живаго» входит в какой-то специальный мировой список фильмов, обязательных для показа. И раз в год этот фильм показывают по телевидению. Так сказать, для общего развития. Хотя сегодня мне этот фильм кажется довольно слабым...

— Когда-то я был в полном восторге от этого перевода. Дивная музыка, Омар Шариф в папахе и дубленке. Там, кстати, замечательные кадры революции 1905 года. Тогда у нас все было запрещено, и это был очень сильный прорыв. Арабовского Живаго будет играть Олег Меньшиков. А он актер лучше, чем Омар Шариф.

— Прежде были властители дум. Потом появились хотя бы носители смысла. А сегодня? Почти все лучшие умы и таланты ушли в пиар, превратившись, таким образом, в переводчиков уже готового смысла.

— Именно так. Но неслучайно в последние годы имя Пастернака зазвучало с новой силой.

Пастернак пошел в народ. Думаю, сейчас нет человека, кто бы не знал Пастернака. Даже поп-дивы его поют. Интересный процесс...

— А кто, на ваш взгляд, вышел из шинели Пастернака?

— У него не было шинели, но, кажется, нет ни одного поэта, который не вывалился бы из рукава его плаща.

● Анна САЕД-ШАХ

Пастернак
бард